

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В
РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»**

Выполнила
Попова Анастасия Алексеевна
обучающаяся по специальности
40.05.01 Правовое обеспечение
национальной безопасности
2021 года набора, 111 учебного
взвода

Руководитель
доцент кафедры уголовного процесса
кандидат юридических наук, доцент
Каац Марина Эвальдовна

К защите _____

рекомендуется
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ В.С. Латыпов

подпись
подпись

Дата защиты «___» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы института правовой реабилитации в российском уголовном судопроизводстве.....	7
§ 1. Генезис и историческое развитие института правовой реабилитации в России.....	7
§ 2. Основания и содержание права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве.....	12
§ 3. Субъекты права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве.....	23
Глава 2. Практические механизмы реализации прав реабилитированного лица.....	35
§ 1. Порядок и проблемы возмещения имущественного и морального вреда реабилитированному по нормам УПК РФ.....	35
§ 2. Восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного.....	46
Заключение.....	53
Список использованной литературы.....	56

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования института реабилитации в российском уголовном процессе определяется его принципиальной ролью в реализации конституционных основ правового государства и наличием существенных системных проблем в его современном правовом регулировании и практическом применении.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека являются высшей обязанностью государства. Эта обязанность приобретает особое значение в сфере уголовного судопроизводства, где публичная власть наделена исключительными полномочиями по применению мер государственного принуждения, сопряженных с серьезными ограничениями свободы, достоинства и имущественных прав личности. Институт реабилитации, закрепленный в главе 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), призван стать ключевым механизмом защиты, гарантирующим полное восстановление прав и возмещение вреда лицу, незаконно или необоснованно подвергнутому уголовному преследованию. Таким образом, эффективность этого института является прямым показателем уровня реальной, а не декларативной защиты прав человека в России.

Однако в настоящее время как правовая теория, так и правоприменительная практика свидетельствуют о глубоком кризисе данного механизма.

Во-первых, наблюдается существенный разрыв между формальным признанием права на реабилитацию и его реальным воплощением. Согласно данным судебной статистики, ежегодно право на реабилитацию признается за тысячами граждан (например, 8763 ходатайств в 2024 г.). Однако из 8764 ходатайств всего 2050 удовлетворено¹.

¹ Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 21.12.2025).

Во-вторых, действующее законодательство содержит внутренние противоречия и пробелы. Отсутствует эффективная межотраслевая координация между нормами УПК РФ, Гражданского кодекса РФ и Трудового кодекса РФ, регулирующими различные аспекты восстановления прав реабилитированного (возмещение убытков, восстановление на работе, компенсация пенсионных прав и т.д.). Это приводит к правовой неопределенности и сложностям в доказывании, что отпугивает пострадавших от обращения в суд или приводит к неполному возмещению.

В-третьих, в правовой доктрине отсутствует единый подход к фундаментальным понятиям института: правовой природе реабилитации, условиям и основаниям ее возникновения, определению объема ответственности государства. Особую дискуссионность вызывают вопросы реабилитации по делам частного обвинения и при применении иных мер процессуального принуждения, не связанных с осуждением.

В-четвертых, отсутствие четких законодательных критериев и теоретического единства порождает противоречивую судебную практику. Суды по-разному решают вопросы о наличии самого права на реабилитацию в пограничных ситуациях, о подведомственности споров, о методике расчета и размерах компенсации морального вреда, что нарушает принцип равенства перед законом и создает «лотерею правосудия» для реабилитированных.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена острым противоречием между высокой конституционной значимостью института реабилитации как гаранта прав личности и его явной неэффективностью на практике. Несовершенство законодательной базы, слабая теоретическая проработка и противоречивая судебная практика, подтверждаемые объективной статистикой, требуют комплексного научного анализа и выработки конкретных предложений по совершенствованию как материальных, так и процессуальных аспектов института. Решение этих задач имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение для

укрепления доверия граждан к правосудию и построения в России подлинно правового государства, ответственного за свои ошибки.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере российского уголовного судопроизводства в связи с восстановлением прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещением причиненного ему государством вреда.

Предметом необходимо считать нормы российского законодательства, положения отечественной правовой доктрины, касающиеся правовой природы, содержания и механизма реализации института реабилитации, материалы судебной практики, а также статистические данные о применении норм о реабилитации в правоприменительной деятельности.

Целью дипломной работы является комплексный анализ теоретических основ и практики применения института реабилитации в российском уголовном процессе, выявление системных проблем правового регулирования и правоприменения, а также разработка научно-обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Исследовать исторические этапы становления и развития института правовой реабилитации в России, выявить ключевые изменения в его правовом регулировании;
2. Проанализировать юридическую природу, основания возникновения и содержание права на реабилитацию в уголовном процессе;
3. Определить круг субъектов права на реабилитацию;
4. Изучить действующий порядок возмещения имущественного и морального вреда реабилитированному лицу по нормам УПК РФ и гражданского законодательства, выявить проблемные аспекты в процессе взыскания и определения размера компенсаций;

5. Проанализировать механизмы и процедуры восстановления иных (неимущественных) прав реабилитированного, выявить проблемы и пути совершенствования.

Методологическую основу дипломной работы составляет комплекс общенаучных (диалектический метод, метод анализа и синтеза, системно-структурный метод, формально-логический метод) и частно-научных (формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, статистический метод) методов познания, применение которых позволило всесторонне исследовать институт реабилитации, обеспечив достоверность выводов и обоснованность предложений.

Структура дипломной работы определена задачами настоящего исследования и включает в себя введение, две главы, объединяющие пять параграфов, заключение, список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Генезис и историческое развитие института правовой реабилитации в России

Исторический путь института правовой реабилитации в России демонстрирует его эволюцию от восстановления честного имени к осознанию необходимости комплексного правового механизма, включающего материальную компенсацию за счет государства. Родиной правовой концепции реабилитации является Франция, где в эпоху средневековья данный термин зарождался и подразумевал помилование, понимаемое как восстановление нарушенных прав¹. Фактически, средневековую Францию можно считать родиной правовой реабилитации, хотя, по существу, она тогда называлась помилованием.

В России становление института начинается в XVIII веке. При Петре Великом в Воинском артикуле от 26.04.1715 впервые был поставлен вопрос о восстановлении в прежних правах военнослужащего, признанного невиновным². Однако в тот период возмещение причиненного вреда еще не предусматривалось, а лишь восстанавливалась репутация незаконно осужденного. Важным шагом стало закрепление в законодательстве Российской Империи принципа гражданской ответственности должностных лиц за нарушение прав граждан, что позволяло взыскивать причиненный ущерб за противоправные действия компетентных органов³. Тем не менее, процедура

¹ Корчагина Л.И. О некоторых аспектах содержания понятия «Реабилитация» в отечественном законодательстве и юридической литературе // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 272.

² Филиппова А.О. Возникновение и развитие института реабилитации в России // Сборник научных трудов sworld. Владивосток, 2024. Т. 28, № 1. С. 71.

³ Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. Санкт-Петербург: 1897. С. 120.

привлечения к такой ответственности была сложной, а круг оснований – обширным.

Период с момента принятия Устава уголовного судопроизводства (далее - УУС) 1864 г. до революции 1917 г. стал ключевым этапом в формировании в России системного, детально регламентированного института правовой реабилитации. Судебная реформа, основанная на принципах гласности, состязательности и независимости суда, создала необходимую процессуальную среду для защиты прав лиц, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. Законодательство этого периода выработало сложную, многоуровневую модель восстановления прав, которая, хотя и не возлагала ответственность напрямую на государственную казну, установила правовые механизмы возмещения вреда и реабилитации чести.

УУС 1864 г. заложил прочную процессуальную основу для реабилитации, детально прописав стадии и условия восстановления прав. Так, ст. 25 УУС устанавливала, что доказательства оправдания лица или случаи превышения наказания вследствие судебной ошибки являются веским основанием для пересмотра дела¹. Прекращение дела могло последовать как на досудебных стадиях (за отсутствием состава или события преступления), так и в суде путем вынесения оправдательного приговора. Важнейшей гарантией являлась норма ст. 819 и 958 УУС, обязывавшая немедленно освободить из-под стражи любое лицо, признанное судом невиновным. Это предотвращало дальнейшее незаконное лишение свободы после устранения его оснований. Согласно ст. 26 УУС, осужденным предоставлялся механизм восстановления доброго имени и «полноты гражданских прав» без каких-либо временных ограничений. Статья 938 УУС предусматривала возможность приостановления отбывания наказания после вынесения приговора в ходе процедур пересмотра, обеспечивая облегчение участи осужденного в ожидании окончательного решения.

Наиболее прогрессивной чертой дореволюционного института стала детально разработанная система возмещения имущественного и морального

¹ Каширин А. Расплата за следственные ошибки // ЭЖ-юрист. 2007. № 26. С. 12.

вреда, основанная на принципе вины. УУС 1864 г. четко разделил всех субъектов, чьи действия могли привести к необоснованному обвинению, на три категории, для каждой из которых устанавливался особый правовой режим ответственности:

1. Лица, по чьему заявлению или доносу было начато необоснованное расследование (несли полную ответственность);
2. Потерпевшие-обвинители (отвечали лишь при доказанной недобросовестности);
3. Должностные лица (ответственность наступала при доказанности незаконности их действий).

Кроме того, законодательство предоставляло лицу, признанному невиновным, активную процессуальную позицию. Он обладал правом требовать возмещения ущерба путем подачи гражданского иска как к лжедоносчику или недобросовестному обвинителю, так и к виновному должностному лицу. Это право возникало независимо от того, дошло ли дело до суда или было прекращено на досудебной стадии.

Однако принципиальным ограничением этой, в целом прогрессивной, системы было отсутствие прямой публично-правовой ответственности государства. Казна не выступала гарантом возмещения вреда, причиненного судебной ошибкой или системными недостатками правосудия. Ответственность носила частноправовой, деликтный характер и была персонифицирована. Это приводило к ситуациям, когда реабилитированный, не имея реальной возможности взыскать средства с несостоятельного доносчика или защищенного служебным положением чиновника, оставался без компенсации. Данный пробел отчасти восполнялся частной благотворительностью. Ярким примером служит инициатива сенатора Н.А. Буцуковского, который в 1873 г. пожертвовал 50 тыс. рублей для создания специального фонда при Санкт-Петербургском окружном суде для помощи оправданным. Статистика выплат из этого фонда (например, 78

запросов на возмещение в 1884-1890 гг., удовлетворены 56) демонстрирует как наличие потребности, так и ограниченность благотворительного подхода¹.

В конце XIX – начале XX вв. законодательство продолжало развиваться, реагируя на общественные запросы. Важным шагом стал Закон от 1 мая 1900 г., который регламентировал новый порядок «награждения» (фактически – компенсации) невинно осужденных, в частности, отправленных на каторгу и позднее оправданных. Закон предусматривал возвращение таких лиц домой за счет государственного бюджета и компенсацию расходов их семьям². Это можно считать первым шагом к признанию косвенной ответственности казны.

Кроме того, в юридической доктрине и судебной практике империи начали формироваться представления о нематериальной («идеальной») компенсации за моральный вред, которая была аналогична современному возмещению морального ущерба и могла включать, помимо материальной выплаты, официальное опровержение и торжественное объявление о невиновности³.

Послереволюционный советский период (1917-1950-е гг.) характеризовался противоречивым и бессистемным развитием института реабилитации. С одной стороны, уже Декрет № 1 «О суде» от 22.11.1917 г. предусматривал прекращение преследования по делам с политической и религиозной подоплекой и право на реабилитацию. Последующие акты, такие как Положение о народном суде РСФСР (1918 г.) и Декрет о революционных трибуналах, наделяли судебные органы полномочиями по прекращению дел и реабилитации лиц. С другой стороны, нормативное регулирование было фрагментарным, акты издавались на уровне ведомств без достаточной координации. Хотя Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. формально допускал возмещение ущерба от неправомерных действий должностных лиц, реализация

¹ Розин Н.Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства юстиции. Санкт-Петербург, 1897. № 9-10. С. 116.

² Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 12. С. 506.

³ Алмазова Т.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: АУ МВД РФ, 2001. С. 8.

этого права ставилась в зависимость от специального закона и обвинительного приговора в отношении чиновника. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (ст. 203) запрещал следователям самостоятельно прекращать производства, передавая материалы для утверждения в народный суд, что создавало дополнительную процессуальную гарантию. Однако в целом, как отмечают исследователи, защита прав незаконно привлеченных лиц была затруднительной из-за разрозненности нормативных актов. Ответственность за вред возлагалась на конкретных должностных лиц правоохранительных органов, а не на государство в целом. Лишь с принятием Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года, прямо указавших на вынесение оправдательного приговора при отсутствии состава или события преступления, началась более четкая кодификация процессуальных оснований реабилитации¹. Ученые того периода, такие как Р.Д. Рахунов и Т.Н. Добровольская, указывали на пробелы в законодательстве и необходимость урегулирования вопросов компенсации и восстановления репутации реабилитированных².

Таким образом, к середине XX века в российском правопорядке сложились исторические предпосылки института реабилитации, включавшие признание права на восстановление честного имени и правового статуса, установление процессуальных оснований для оправдания и прекращения дел, а также зачатки механизма возмещения вреда, но через частноправовую ответственность виновных должностных лиц или третьих лиц, а не через публично-правовую ответственность государства.

Становление современной модели реабилитации, основанной на принципе ответственности государства перед гражданином, произошло на следующем

¹ Алмазова Т.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва: АУ МВД РФ, 2001. С. 11.

² Цит. по: Максимихина Ю.О. Институт реабилитации в уголовном процессе России // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. научных статей / под ред. проф. В.А. Лазаревой; Федеральное агентство по образованию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. Вып. 4. С. 294–304.

историческом этапе – в период формирования нового российского законодательства после 1991 г.

§ 2. Основания и содержание права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве

Понятие и основания реабилитации в уголовном судопроизводстве детально регулируются нормами УПК РФ, основанными на конституционных принципах.

Сущность реабилитации лиц, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, коренится в принципах назначения уголовного процесса. Согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ, этот принцип включает элемент справедливости, проявляющийся в восстановлении прав невиновно преследуемых.

М.Ф. Мингалимова выделяет «справедливость» и «невиновность» как ключевые критерии реабилитации, подчеркивая несправедливый характер любых лишений, понесенных невиновным¹. А.Д. Кузнецова дополняет, что незаконное привлечение к ответственности наносит не только материальный, но и глубокий психологический ущерб личности, а реабилитация служит основой для компенсационно-восстановительных мер².

Право на реабилитацию базируется на фундаментальных нормах, предписанных Конституцией РФ. Так, ст. 53 гарантирует право на возмещение вреда от незаконных действий государственных органов. Причем гарантированность ст. 53 обеспечивается ст. 52, обязывающей государство обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию ущерба.

Эти конституционные положения опираются на международные принципы. Так, ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

¹ Мингалимова М.Ф. Реабилитация в уголовном процессе: нужен единый подход // Законность. 2023. № 3. С. 45.

² Кузнецова А.Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 15.

(действовавшей в России до 16 марта 2022 г.) закрепляла право на эффективное средство правовой защиты при нарушении прав¹. Несмотря на прекращение действия Конвенции для РФ с 2022 года, ее положения подчеркивают значимость института реабилитации не только на национальном уровне, но и на международном.

В соответствии с другим актом международного характера – Международный пакт о гражданских и политических правах, сохраняющим свое действие на территории России, устанавливается право на компенсацию жертвам незаконного ареста или содержания под стражей (ч. 5 ст. 9)².

Легальное определение реабилитации содержится в п. 34 ст. 5 УПК РФ: это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Данная дефиниция была впервые закреплена в 2001 г., тогда как ранее законодательство регулировало лишь процедуры возмещения вреда и восстановления правового положения человека, нарушенного государством.

Несмотря на законодательное закрепление понятия «реабилитация», ученые все же высказывают несогласие с законодателем и подвергают данное определение критики: так, И.В. Мисник, указывая на некорректность приведенной дефиниции, указывает: «...порядок – это правило, алгоритм какого-либо действия. Реабилитация – это действие, восстановление. Порядок же этого действия, т.е. реабилитации, определен уголовно-процессуальным, гражданским, трудовым и другими Кодексами РФ»³.

Реабилитированным же в соответствии с п. 35 ст. 5 УПК РФ считается лицо, имеющее право на возмещение вреда от незаконного или необоснованного преследования. Данная формулировка также вызывает дискуссии. Т.Р.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. ст. 163.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. ст. 291.

³ Мисник И.В. Реабилитация лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию в российском уголовном судопроизводстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9). С. 146.

Рамазанов отмечает, что иметь право и реализовать его – разные вещи, и предлагает использовать термин «реабилитируемый» до момента полного восстановления прав и возмещения вреда¹.

Помимо общих норм, УПК РФ концентрирует специальные положения о реабилитации в единый правовой институт, закрепленный в Главе 18. Его обособленная регламентация обусловлена особой социальной значимостью соответствующих правоотношений².

Как указал Конституционный Суд РФ, порядок, установленный главой 18 УПК РФ, создает для реабилитированных упрощенный по сравнению с гражданским судопроизводством режим защиты. Он освобождает лицо от бремени доказывания оснований и размера имущественного вреда, одновременно предоставляя возможность участвовать в определении объема компенсации, что соответствует требованиям Конституции РФ³.

Институт открывается ст. 133 УПК РФ, фиксирующей основания права на реабилитацию. Часть 1 данной статьи раскрывает его содержание:

- право на возмещение имущественного вреда;
- устранение последствий морального вреда;
- восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Здесь же определен субъект обязанности по возмещению вреда – государство.

Изложенное свидетельствует о комплексном характере института реабилитации, регулируемого нормами не только уголовно-процессуального, но и иных отраслей права, что констатирует также А.Д. Кузнецова⁴. Это

¹ Рамазанов Т.Р. Понятие института реабилитации в уголовном судопроизводстве России и истоки его зарождения // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов: сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. конф. магистрантов. Симферополь, 2023. С. 91.

² Кузнецова А.Д. Указ. соч. С. 16.

³ По запросу Сюмсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

⁴ Кузнецова А.Д. Указ. соч. С. 16.

подтверждается и правоприменительной практикой: так, в п. 39 Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что основания из ст. 133 УПК РФ должны рассматриваться системно с положениями ст. 1069, 1070, 1100 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)¹.

Помимо гражданского права вопросы реабилитации связаны с трудовым законодательством. Например, в обязательном отстранении от работы педагогического работника при его уголовном преследовании за определенные преступления (ст. 331.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ))². Причем такое отстранение затрагивает и пенсионные права. Конституционный Суд РФ от 19.11.2015 г. № 29-П признал не соответствующими Конституции нормы, исключавшие период незаконного отстранения от страхового стажа, что повлекло их изменение в 2016 году³. При этом, как отмечают исследователи, несмотря на комплексность, уголовно-процессуальные нормы сохраняют главенствующую роль в этом институте⁴.

При этом ряд авторов настаивают на главенствующей роли норм уголовно-процессуального права в вопросах реабилитации, даже несмотря на комплексный характер рассматриваемого института⁵.

Возвращаясь к ст. 133 УПК РФ, следует отметить, что в ней прямо не формулируются основания возникновения права на реабилитацию. Законодатель ограничился перечнем прав реабилитированного, определением круга лиц, подлежащих и не подлежащих реабилитации (ч.ч. 2, 2.1, 3, 4 ст. 133 УПК РФ).

¹ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 2.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1), ст. 3.

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.К. Шматкова: постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. № 29-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 48 (часть II), ст. 6886.

⁴ Караван Е.Ю. Эффективность института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1-1. С. 128.

⁵ Там же. С. 128.

На основании анализа смысла положений п. 34, 35 ст. 5 и ч. 1 ст. 133 УПК РФ полагаем, что основанием возникновения права на реабилитацию является причинение имущественного, морального или иного вреда вследствие незаконного либо необоснованного уголовного преследования.

Моральный вред в контексте реабилитации получает специальную интерпретацию. Исходя из общего гражданско-правового определения, закрепленного в ст. 151 ГК РФ, как физических и нравственных страданий, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина¹. Применительно к уголовному процессу он определяется как физические или нравственные страдания, причиненные непосредственно фактом незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности, заключения под стражу, осуждения и иного ограничения прав.

О том, что «момент начала уголовного преследования определяется началом ограничения прав лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства» косвенно говорится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П².

Что касается имущественного вреда, то точного, законодательного определения не существует, что порождает дискуссии среди исследователей как цивилистов, так и процессуалистов.

При определении сущности данного феномена, как правило, исходят из гражданско-правовой категории «убытки», о чем писал Г.Ф. Шершеневич³. Так, в соответствии со ст. 15 ГК РФ убытки включают в себя две разновидности – реальный ущерб и упущенная выгода. Первая – это реальный ущерб, включающий в себя фактические расходы, которые реабилитированное лицо

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октября 1994 г. // Рос. газ. – 1994. – 8 декабря.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 270, ст. 2882.

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). Москва: Спартак, 1995. С. 151.

понесло или должно будет понести для восстановления своего нарушенного права, а также стоимость утраченного или поврежденного имущества. Вторая составляющая – упущенная выгода, то есть неполученные доходы, которые это лицо получило бы в обычных условиях, если бы его право не было нарушено в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования.

В научной доктрине отсутствует единый подход к содержанию имущественного вреда, причиняемого реабилитированному лицу. Специалисты в области уголовного процесса придерживаются различных позиций.

Так, Ж.В. Самойлова включает в это понятие обе разновидности убытков, предусмотренных гражданским законодательством: как реальный ущерб, так и упущенную выгоду¹. В противоположность этому, Г.Ф. Шершеневич ограничивает имущественный вред лишь реальным (фактическим) ущербом². З.З. Зинатуллин предлагает более сложную конструкцию, разграничивая имущественный вред и материальный ущерб, где первое является частью второго. Согласно его взгляду, материальный ущерб охватывает не только имущественный вред в виде реального ущерба, но и физический вред, выраженный в материальных затратах на лечение, погребение и т.д.³

Однако руководящая правоприменительная практика следует более широкому толкованию. Как указано Верховным Судом РФ в п. 15 Постановления Пленума от 29.11.2011 г. № 17, в понятие имущественного вреда подлежат включению, в том числе, и расходы на восстановление здоровья реабилитированного лица⁴. Данная позиция фактически объединяет элементы имущественного и физического вреда в рамках одного правового понятия применительно к институту реабилитации.

¹ Самойлова Ж.В. Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 124.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 151.

³ Зинатуллин З.З. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: 2013. С. 7.

⁴ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 1.

Таким образом, несмотря на существование иных точек зрения наиболее обоснованным и соответствующим принципу полного возмещения представляется понимание имущественного вреда как совокупности реального ущерба и упущенной выгоды.

Кроме того, возникновение права на возмещение такого вреда напрямую связано с признанием уголовного преследования незаконным или необоснованным. Легальное понятие уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) указывает на то, что оно может осуществляться только в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, то есть, исключительно в связи с совершением преступления. Следовательно, преследование за деяние, впоследствии квалифицированное как административное правонарушение изначально является незаконным.

Приведенный пример из судебной практики, отмеченный Б.Т. Безлепкиным, наглядно демонстрирует реализацию принципа реабилитации в случае переквалификации деяния. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала право на реабилитацию за осужденным С., поскольку уголовное преследование в его отношении было признано необоснованным. Основанием послужило прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления, так как стоимость похищенного сотового телефона оказалась менее одной тысячи рублей. Данное обстоятельство переводило содеянное в разряд мелкого хищения, подпадающего под административную, а не уголовную ответственность (ст. 7.27 КоАП РФ). Таким образом, несмотря на фактическое совершение проступка, уголовное преследование лица было незаконным, что и породило его право на полную реабилитацию и возмещение причиненного вреда¹.

Таким образом, возбуждение уголовного дела по факту деяния, содержащего лишь признаки административного правонарушения (как в

¹ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): научное издание. 18-е изд. Москва: Проспект, 2025. С. 101.

примере с мелким хищением), делает уголовное преследование незаконным. Данный случай поднимает ключевой вопрос о содержании критериев «незаконности» и «необоснованности» уголовного преследования как оснований для реабилитации. Примечательно, что эта проблема остается недостаточно разработанной в научной доктрине, что создает определенные сложности в правоприменении и формировании единообразной судебной практики.

Позиция А.А. Орловой остается актуальной для понимания критериев реабилитации. Автор справедливо отмечает, что не всегда действия уполномоченных на осуществление уголовного преследования лиц признается законным. Ярким примером служит ситуация, когда изначально возбуждается уголовное дело по факту совершения преступления и лицо, предположительно совершившее данное деяние, наделяется соответствующим процессуальным статусом, а затем назначается и производится судебная экспертиза, по результатам которой уголовное дело прекращается по реабилитирующим основаниям. В данном случае, в соответствии с мнением автора, законным и обоснованным признается вовлечение лица в уголовное преследование¹.

«Незаконность» действительно является прямой противоположностью «законности», которая в уголовном процессе трактуется как строгое соблюдение всеми участниками установленных процедур и требований закона².

Классическим и бесспорным примером незаконного преследования являются действия, совершенные в результате умышленных преступных злоупотреблений со стороны должностных лиц: фальсификация доказательств, вынесение заведомо незаконных решений, принуждение к даче показаний и т.д. В таких ситуациях сам способ осуществления преследования изначально порочен и противоречит закону. Установление вины конкретного должностного лица в подобных деяниях становится не только основанием для привлечения его к уголовной ответственности, но и особым условием для последующего

¹ Орлова А.А. К вопросу о концептуализации понятия «реабилитация» в уголовном процессе России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 10. С. 61.

² Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. Москва: Юрид. лит., 1981. С. 47–53.

регрессного требования государства о возмещении выплаченных реабилитированному средств¹. Таким образом, «незаконность» в данном контексте предполагает виновное, преднамеренное нарушение закона субъектом уголовного преследования.

Итак, «незаконность» представляет собой противоправную деятельность, изначально не основанную на законе или прямо ему противоречащую. Важно подчеркнуть, что не вся процессуальная деятельность, завершившаяся реабилитацией лица, является незаконной в этом строгом смысле.

В этой связи следует согласиться с позицией А.А. Орловой о том, что для устранения терминологической неопределенности и достижения единообразия в понятийном аппарате целесообразно исключить из легального определения реабилитации конкретные признаки «незаконности» или «необоснованности» уголовного преследования².

Как уже было указано, в ч. 4 ст. 133 УПК РФ приводится исчерпывающий перечень нереабилитирующих оснований прекращения дела (амнистия, истечение сроков давности и др.). Следовательно, все иные основания прекращения уголовного преследования или вынесения оправдательного приговора по своей правовой природе являются реабилитирующими и порождают право на возмещение вреда. Таким образом, акцент смещается с субъективной оценки правомерности действий должностных лиц («незаконно/необоснованно») на объективный юридический факт – наличие реабилитирующего решения.

Данная норма (ч. 4 ст. 133 УПК РФ) неоднократно подтверждалась Конституционным Судом РФ на соответствие Основному закону, что подтверждает ее правомерность и устойчивость в правовой системе³.

¹ Зяблина М.В. Предъявление прокурорами регрессных исков в связи с принятием судами решений о возмещении реабилитированным лицам вреда, причиненного незаконным (необоснованным) уголовным преследованием // Законность. 2016. № 4. С. 13.

² Орлова А.А. Указ. соч. С. 62.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Николая Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 24 и положениями главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части первой статьи 5 и статьей 58.1 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьей

Привлекая к уголовной ответственности лица за совершение нескольких преступных деяний, возможна ситуация, когда оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям выносятся исключительно по некоторым «эпизодам». В подобной ситуации констатируется, что право на реабилитацию может быть реализовано лишь «частично».

Так, «З. обратился в суд с иском к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда. Решением Новомосковского городского суда Тульской области от 22 октября 2018 г. исковые требования З. удовлетворены частично (в части оправдания по тем эпизодам, где установлены отсутствие состава преступления и не доказана вина). А вот в удовлетворении исковых требований по тем эпизодам, где производство было прекращено за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, было отказано»¹.

Что касается процессуального оформления, то данный аспект отражен в ст. 134 УПК РФ.

Право на реабилитацию юридически возникает и подтверждается исключительно актами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством. К таким документам относятся оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного преследования, которые констатируют факт его незаконности.

Право на реабилитацию должно содержаться в актах суда или органов предварительного расследования, в которых подтверждается факт незаконного уголовного преследования. Иначе говоря, должны быть представлять документы, предусмотренные нормами УПК РФ, на что особое внимание обратила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда

49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2023 г. № 442-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2021 г. № 88-14364/2021 по делу № 2-592/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/59840542> (дата обращения: 21.12.2025).

РФ при рассмотрении гражданского дела по иску Солодовникова о признании права на реабилитацию и компенсации морального вреда¹.

Кроме того, законодатель определяет, что одновременно с признанием права на реабилитацию, подлежащему реабилитации лицу направляется извещение с разъяснением особенностей возмещения вреда. Несмотря на прямое указание, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УПК РФ, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 определяется, что данное положение следует толковать, как «уже» в части вынесения оправдательного приговора – извещение с информацией о порядке возмещения вреда в таком случае может быть направлено лицу, подлежащему реабилитации только после вступления приговора в законную силу.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что реабилитация в уголовном судопроизводстве представляет собой комплексный правовой институт, имеющий конституционно-международную основу и детально регламентированный нормами уголовно-процессуального права. Его сущность заключается в восстановлении нарушенных прав и свобод, а также в возмещении материального, морального и иного вреда лицу, в отношении которого уголовное преследование было признано незаконным или необоснованным.

Институт реабилитации носит межотраслевой характер, интегрируя нормы уголовно-процессуального, гражданского и трудового права, однако уголовно-процессуальные нормы сохраняют главенствующую, системообразующую роль. Именно они устанавливают специальный упрощенный порядок восстановления прав, освобождающий реабилитированного от бремени доказывания факта и размера вреда.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 19-КГ23-8-К5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

§ 3. Субъекты права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве

Детальный анализ института реабилитации немислим без четкого определения субъектного состава лиц, которым принадлежит это право. Законодатель, устанавливая реабилитацию в качестве гарантии восстановления нарушенных прав, строго очерчивает ее границы. Согласно ч.ч. 2-2.1 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию возникает у строго определенной категории лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию. Обобщая положения закона и правоприменительной практики, можно выделить два фундаментальных признака, характеризующих любого субъекта данного права.

1. Физическая природа субъекта. Правом на реабилитацию наделяются исключительно физические лица. Эта позиция имеет двойное обоснование. С одной стороны, она логически вытекает из материального уголовного права: субъектом преступления, в связи с которым возникает уголовное преследование, может быть только физическое лицо (ст. 19 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)). С другой стороны, данное положение прямо закреплено в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ, который указал, что юридические лица «не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию» (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17). Присутствующая в главе 18 УПК РФ ст. 139, предусматривающая возмещение вреда юридическому лицу, является, по мнению ряда исследователей, инородной для института реабилитации¹. Критика этой нормы основана на ее декларативности и отсутствии ясного механизма реализации, что приводит к трудностям в правоприменении арбитражными судами². Предлагается последовательное решение: исключить ст. 139 УПК РФ, а вопросы

¹ Салаватова А.А. О некоторых проблемах института реабилитации в уголовном процессе // Мировые исследования в области социально-гуманитарных наук: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2023. С. 379-380.

² Прохоров А.Б. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве лиц, потерпевших от злоупотребления властью // Адвокатская практика. 2022. № 5. С. 36–37.

возмещения вреда юридическим лицам, причиненного действиями органов следствия и суда, рассматривать в рамках гражданского, а не уголовного судопроизводства¹. Такой подход логично соотносится с существующим порядком возмещения вреда лицам, пострадавшим от оперативно-розыскных мероприятий, которые также не подлежат реабилитации.

2. Факт подверженности уголовному преследованию. Вторым обязательным признаком является то, что лицо было реально подвергнуто уголовному преследованию как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения. Именно это обстоятельство служит юридическим фактом, порождающим право на реабилитацию. Следовательно, причинение вреда действиями должностных лиц правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела не влечет возникновения права на реабилитацию.

Продолжая анализ круга лиц, имеющих право на реабилитацию, необходимо детализировать их классификацию, установленную законодателем. Структура ст. 133 УПК РФ отражает четкую дифференциацию субъектов этого права в зависимости от вида уголовного преследования и, как следствие, от формы уголовного судопроизводства, в рамках которого оно осуществлялось.

Итак, первая группа субъектов определена в ч. 2 ст. 133 УПК РФ. К ней относятся лица, подвергшиеся уголовному преследованию по делам публичного и частно-публичного обвинения, ключевой характеристикой которой является то, что по таким делам в обязательном порядке проводится предварительное расследование в форме следствия или дознания.

Вторая группа субъектов закреплена в ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ. Она включает лиц, прошедших через уголовное преследование по делам частного обвинения.

Субъектный состав лиц, имеющих право на реабилитацию по делам публичного и частно-публичного обвинения (ч. 2 ст. 133 УПК РФ), является наиболее широким и может быть структурирован по стадиям уголовного судопроизводства, на которых возникает соответствующее право. Законодатель

¹ Салаватова А.А. Указ. соч. С. 378–381.

выделяет пять типов таких субъектов, которые условно делятся на две подгруппы:

1. Субъекты права на реабилитацию на стадии досудебного производства. К этой подгруппе относятся подозреваемый, обвиняемый (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ);
2. Субъекты права на реабилитацию на стадии судебного производства: подсудимый, осужденный и лицо, подвергнутое процессуальному принуждению в виде принудительных мер медицинского характера (п. 1, 2, 4, 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым признается лицо при наступлении одного из четырех юридических фактов:

1. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица.
2. Задержание лица в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ.
3. Применение меры пресечения.
4. Направление уведомления о подозрении в порядке ст. 223.1 УПК РФ (при производстве дознания). Здесь важно отметить, что такого рода уведомление, во-первых, составляется при производстве предварительного расследования в форме дознания (ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ), во-вторых, составляется в том случаях, когда уголовное дело возбуждено по факту совершения преступного деяния. При этом копия данного уведомления направляется прокурору.

При этом приобретение статуса подозреваемого может происходить как последовательно (например, задержание с последующим избранием меры пресечения (ч. 2 ст. 94, ч. 1 ст. 100 УПК РФ), так и в результате единичного процессуального действия.

Отдельного внимания заслуживает дискуссия о необходимости введения в УПК РФ понятия «заподозренный» для лиц, в отношении которых проводятся

оперативно-розыскные мероприятия в соответствии со ст. 144 УПК РФ¹. Однако, учитывая, что такой статус не влечет уголовного преследования в строгом смысле, а вред, причиненный на этой стадии, возмещается в гражданско-правовом порядке, законодательное закрепление данной категории для целей реабилитации представляется излишним. Что касается обвиняемого, то таковым лицо признается в случаях, указанных в ч. 1 ст. 47 УПК РФ: вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого; вынесение обвинительного акта; составление обвинительного постановления.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый приобретает право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, в случаях прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям (п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 1, 4-6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ)².

Считается, что приведенный перечень исчерпывающий и не подлежит более расширенному толкованию. Анализ круга субъектов права на реабилитацию требует четкого отграничения этого института от иных механизмов возмещения вреда, возникающих в уголовном процессе. Ключевым разграничительным критерием является не сам факт причинения вреда, а характер итогового процессуального решения по делу. Как разъяснил Верховный Суд РФ, если в отношении подозреваемого или обвиняемого были

¹ Потетин В.А. Проблемные аспекты восстановления трудовых, пенсионных и жилищных прав реабилитированного // Вопросы российского и международного права. 2016. № 6. С. 37.

² 1) Отсутствие события преступления; 2) отсутствие в деянии состава преступления; 3) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой ст. 20 УПК РФ, либо неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин; 4) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3 - 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ; 5) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; 6) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; 7) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

незаконно применены меры процессуального принуждения, но при этом их причастность к преступлению была в конечном счете доказана, и уголовное преследование не прекращено по реабилитирующим основаниям (п. 1, 2 ч. 1 ст. 27, п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), то право на реабилитацию у таких лиц не возникает (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17).

Однако это не означает, что вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц, остается без компенсации. В подобных ситуациях в силу вступает специальный механизм, предусмотренный ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Данная норма устанавливает, что возмещение вреда, причиненного при осуществлении уголовного судопроизводства лицам, не подлежащим реабилитации (например, в случае незаконного продления срока содержания под стражей в отношении впоследствии осужденного), производится по правилам главы 18 УПК РФ, но вне рамок института реабилитации.

В целях более полного исследования проблемы, необходимо рассмотрение перечисленных выше оснований прекращения уголовного преследования, указав исключительно имеющие особое значение для нашего исследования аспекты.

Так, особого внимания заслуживают вопросы разграничения двух фундаментальных понятий «отсутствие события преступления» и «отсутствие состава преступления». В целях разрешения данного терминологического спора Конституционный Суд РФ в Постановлении № 28-П от 15 июня 2021 г., вынесенном по жалобе Д.К. Михайлова, дал легальное толкование этих терминов, подчеркнув их принципиальное отличие¹. Суд указал, что отсутствие события преступления означает неподтверждение самого факта общественно опасного деяния по итогам проверки. Иными словами, предполагаемое действие объективно не существовало в реальности. В противоположность этому, отсутствие состава преступления констатируется в ситуации, когда само деяние доказано и его совершение конкретным лицом установлено, но в нем

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. – № 26. ст. 5043.

отсутствуют обязательные признаки, необходимые для квалификации его как преступления¹.

Органы прокуратуры, развивая данную правовую позицию, предлагают более детальные и иллюстративные определения: 1) отсутствие события преступления – это отсутствие в действительности самого инкриминируемого деяния (например, заявление о краже телефона не подтверждается, так как фактически похищенный предмет был обнаружен владельцем на территории своего частного дома); 2) отсутствие состава преступления – это ситуация, когда деяние имело место, но в нем отсутствует какой-либо обязательный элемент состава (совершение деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности)².

При анализе такого реабилитирующего основания, как отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения, важно провести его отграничение от положений ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ. Особый практический интерес представляет ситуация, когда данное основание возникает не изначально, а в ходе судебного производства. Как разъяснил Верховный Суд РФ, это может произойти в случае переквалификации содеянного с публичного обвинения на частное или частно-публичное (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55)³.

Так, Т. был осужден за грабеж (пп. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Однако Верховный Суд РФ пересмотрел квалификацию, признав в его действиях состав тайного хищения (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и побоев (ст. 116 УК РФ). Поскольку ст. 116 УК РФ относится к делам частно-публичного обвинения, уголовное

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 48. ст. 7299.

² Прокурор разъясняет: основания для отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2025).

³ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

преследование по этой статье было прекращено именно из-за отсутствия заявления потерпевшего X¹.

Аналогичная правовая ситуация с прекращением уголовного преследования в связи с отсутствием заявления потерпевшего может возникнуть и на стадии предварительного расследования, в случае переквалификации действий. Например, если уголовное дело было изначально возбуждено по статье о грабеже (ст. 161 УК РФ), но в ходе расследования следователь пришел к выводу о необходимости переквалификации на статьи о краже (ст. 158 УК РФ) и о побоях (ст. 116 УК РФ), то предъявление обвинения по последней статье при отсутствии заявления потерпевшего будет неправомерным.

Что касается лиц, поименованных в ст. 447 УПК РФ (обладающих особым правовым статусом и иммунитетом), для возбуждения уголовного дела в отношении них должен быть неукоснительно соблюден специальный порядок, предусмотренный ст. 448 УПК РФ. Конкретный вид процессуальных действий, предваряющих вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, зависит от статуса субъекта.

Например, механизм возбуждения дела в отношении Генерального прокурора РФ включает несколько этапов: Президент РФ направляет представление в Верховный Суд РФ, коллегия из трех судей Верховного Суда РФ рассматривает представление и дает заключение о наличии (или отсутствии) оснований для возбуждения уголовного дела и только на основании положительного заключения суда Председатель Следственного комитета РФ выносит постановление о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, нарушение специальной процедуры, предусмотренной ст. 448 УПК РФ (а также п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в части лишения неприкосновенности бывшего Президента РФ), делает все последующее уголовное преследование незаконным с самого начала. В такой ситуации лицо,

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2024), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2024 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 3.

подвергнутое преследованию, подлежит реабилитации, так как его права были нарушены грубым несоблюдением установленного законом особого порядка привлечения к уголовной ответственности.

Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления как реабилитирующее основание имеет принципиальное отличие от ранее рассмотренных. В данной ситуации сам факт совершения общественно опасного деяния (событие преступления) установлен и подтвержден. В отличие от случаев отсутствия состава, в деянии присутствуют все его признаки. Однако ключевым является то, что конкретное лицо, привлеченное к уголовной ответственности, не совершало данного преступления.

Положение п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ о прекращении дела в связи с непричастностью лица базируется на фундаментальном правовом принципе, закреплённом как в международном праве, так и в национальном законодательстве. Этот принцип – *non bis in idem* (не дважды за одно и то же). При этом его отражение в российском праве является прямым: в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ установлено: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»; в ч. 2 ст. 6 УК РФ данная гарантия конкретизирована: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Таким образом, в приведенном ниже примере возникла правовая коллизия: формально существовал оправдательный приговор, но вынесенный судом иностранного государства (Республики Абхазия) в отношении преступления, совершенного на территории России, которую данный суд не имел права рассматривать в силу отсутствия юрисдикции. Подобная ситуация стала возможной из-за отсутствия на тот момент договорных отношений между двумя государствами об оказании правовой помощи и признании судебных решений.

В итоге Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление Иркутского областного суда от 17.05.2019 о прекращении уголовного преследования С. по п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (в связи с наличием вступившего в законную силу приговора). Верховный Суд указал, что

С. фактически впервые привлекается к уголовной ответственности за преступление, совершенное на территории РФ¹.

Переходя к анализу субъектов, наделенных правом на реабилитацию в рамках судебного производства, следует выделить три ключевые категории, прямо указанные в законе: подсудимый, осужденный, а также лицо, в отношении которого были применены принудительные меры медицинского характера.

Подсудимым является лицо с момента передачи в отношении него уголовного дела в суд и до вынесения приговора.

Осужденный, соответственно, – это гражданин, в отношении которого вынесен обвинительный приговор.

Право на реабилитацию в судебных стадиях уголовного процесса конкретизировано для отдельных категорий лиц. В соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ, правом на реабилитацию наделяются два типа подсудимых:

1. Оправданные подсудимые – лица, в отношении которых судом вынесен оправдательный приговор. Как отмечалось ранее, право на реабилитацию в этом случае возникает с момента вступления оправдательного приговора в законную силу, что является отправной точкой для реализации всего комплекса восстановительных мер;

2. Подсудимые, в отношении которых уголовное преследование прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, такой отказ возможен, если в ходе судебного разбирательства обвинение не находит подтверждения. Фактически это судебный аналог прекращения дела по основанию непричастности (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), но констатируемый не на стадии расследования, а в рамках судебного производства. Таким образом, суд констатирует отсутствие доказательств виновности подсудимого.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2019 г. № 66-АПУ19-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Осужденный приобретает право на реабилитацию в случае, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ: при полной или частичной отмене вступившего в законную силу обвинительного приговора и последующем прекращении уголовного дела исключительно по реабилитирующим основаниям, указанным в п. 1 и 2 ст. 27 УПК РФ (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления, непричастность). Важно отметить, что право на реабилитацию может возникнуть не только при полной отмене приговора, но и при его частичной отмене, если прекращается уголовное преследование по самостоятельному эпизоду или составу обвинения. Эта позиция отражена в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17.

Положения п. 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, предусматривающие право на реабилитацию для лиц, незаконно подвергнутых принудительным мерам медицинского характера (далее – ПММХ), являются предметом научной дискуссии и критического анализа.

Ученые, в частности В.А. Потетинов, указывают на возникающую в правоприменительной практике содержательную коллизию. Она связана с ситуацией, предусмотренной п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ, когда лицу, совершившему преступление и страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемость, суд наряду с наказанием назначает ПММХ. Проблема возникает, если впоследствии приговор в части наказания признается законным и обоснованным, а назначение ПММХ – незаконным. Буквальное толкование норм (п. 5 ч. 2 ст. 133 и ч. 1 ст. 134 УПК РФ) позволяет предположить, что осужденный подлежит реабилитации в части незаконно примененных к нему ПММХ. Однако на практике этого, как правило, не происходит. Основным аргументом против реабилитации в данном случае служит сам факт совершения лицом преступного деяния, доказанность его вины и законность основного наказания¹. Таким образом, лицо не считается необоснованно привлеченным к уголовной ответственности в целом, что является ключевым для института реабилитации.

¹ Потетинов В.А. Указ. соч. С. 38.

Продолжая анализ дискуссионных положений п. 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, обратимся к выводам исследователя Д.В. Татьянина, который конкретизирует условия, при которых применение ПММХ следует считать незаконным, порождающим право на реабилитацию:

1. Наличие психического расстройства при отсутствии инкриминируемого деяния;

2. Отсутствие как деяния, так и психического расстройства. Это наиболее грубое нарушение, когда к лицу, не совершавшему преступления и не страдающему психическим расстройством, ошибочно применяются ПММХ вследствие необоснованного признания его невменяемым или заболевшим после совершения преступления¹.

Вторую группу субъектов права на реабилитацию образуют лица, подвергшиеся незаконному уголовному преследованию по делам частного обвинения. Однако специфический характер частного обвинения, где инициатива преследования исходит от потерпевшего, порождает в научной среде закономерные вопросы о пределах и условиях применения реабилитационных механизмов в данной сфере. Ученые, такие как П.М. Титов, предлагают разграничивать две принципиально различные процессуальные ситуации, в которых может рассматриваться дело частного обвинения, что имеет ключевое значение для возникновения права на реабилитацию.

1. Публичное производство по делу частного обвинения. Данная ситуация является исключением из общего правила и регламентирована ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ. Она возникает, когда уголовное дело частного обвинения возбуждается не потерпевшим в суде, а органами дознания, следствия.

В такой ситуации, как справедливо отмечает П.М. Титов, уголовное преследование утрачивает частный характер и осуществляется в публично-правовом порядке. Соответственно, весь вред, причиненный лицу незаконным осуждением, привлечением к ответственности или применением мер

¹ Татьянин Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания). Москва: Юрлитинформ, 2007. С. 116.

процессуального принуждения, является следствием исключительно действий государственных органов. Поэтому в случае установления незаконности такого преследования к лицу в полном объеме применяются все положения главы 18 УПК РФ о реабилитации, включая право на возмещение имущественного и морального вреда¹.

Вторая ситуация – это классический порядок частного обвинения, когда уголовное дело возбуждается частным обвинителем.

Верховный Суд РФ в абз. 2 и 3 п. 8 Постановления Пленума от 29.11.2011 № 17 разъясняет, что в такой ситуации прекращение дела или вынесение оправдательного приговора судом первой инстанции само по себе не является основанием для реабилитации. Поскольку уголовное преследование осуществлял не государственный орган, а частное лицо, негативные последствия в виде судебного разбирательства не могут быть вменены в вину государству. Однако право на реабилитацию возникает, если обвинительный приговор, вынесенный по делу частного обвинения, впоследствии отменяется вышестоящим судом, который выносит оправдательный приговор или прекращает дело по реабилитирующим основаниям. В этом случае вред причиняется уже действиями (решениями) государства в лице судебной системы, вынесшей незаконный обвинительный приговор.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что законодатель устанавливает строго ограниченный и императивно определенный круг субъектов, обладающих правом на реабилитацию в российском уголовном процессе. Ключевым системообразующим фактором является факт подверженности лица незаконному или необоснованному уголовному преследованию со стороны государства. Именно это обстоятельство служит юридическим фактом, порождающим особое правоотношение по реабилитации.

¹ Титов П.М. Реабилитация по уголовным делам частного обвинения: проблемы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). С. 151.

ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ РЕАБИЛИТИРОВАННОГО ЛИЦА

§ 1. Порядок и проблемы возмещения имущественного и морального вреда реабилитированному по нормам УПК РФ

Анализ понятийного аппарата института реабилитации, проведенный в первой главе настоящего исследования, позволил определить сущность имущественного вреда и круг лиц, обладающих правом на его возмещение. В данном параграфе рассматривается практический механизм реализации этого права, установленный ст. 135 УПК РФ.

Фрагментарно вопрос возмещения имущественного вреда был освещен ранее то тексту. В частности, речь шла о возможности возмещения заработной платы в случае неполучения ее лицом, подвергнутым незаконному уголовному преследованию (п. 1 ст. 135 УПК РФ).

Однако основная правовая проблема, препятствующая единообразному применению данной нормы, заключается в законодательном вакууме, который с учетом ч. 1 ст. 1070 ГК РФ устанавливал бы современную, детализированную процедуру расчета и взыскания такого вреда. В результате, как справедливо указывает М.Е. Жаглина, перечень оснований ответственности, содержащийся в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, «практически не менялся со времен ГК РСФСР 1964 г. (ст. 447) и давно не соответствует современным реалиям»¹.

Вследствие этого на постсоветском пространстве сохраняет формальное действие акт советского периода – Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденное Указом

¹ Жаглина М.Е. Особенности деликтной ответственности за вред, причинённый незаконными действиями правоохранительных органов и суда // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 125.

Президиума ВС СССР от 18.05.1981 г. № 4892-X¹. Применение данного акта, а также утвержденной им Инструкции, в современных условиях порождает системную коллизию с принципами российского гражданского и уголовно-процессуального права.

Данная ситуация стала предметом неоднократного рассмотрения высшими судебными инстанциями. Изначально Конституционный Суд РФ в 2005 г. сформулировал общий принцип разрешения подобных коллизий, указав, что «в случае коллизии между принятыми в разное время нормативными актами равной юридической силы действует последующий закон, даже если в нем отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений»². В 2011 г. Верховный Суд РФ напрямую обратился к вопросам применения устаревшей Инструкции, признав недействующими ее отдельные положения, которые противоречили нормам ГК РФ и УПК РФ. Ключевым камнем преткновения явились правила, ставившие размер возмещения в зависимость от социального статуса (например, наличия статуса рабочего, служащего, колхозника) и устанавливавшие ограничения по его максимальному размеру, что прямо противоречит закреплённому в ст. 1064 ГК РФ принципу полного возмещения вреда.

Итоговую позицию по вопросу применения советского законодательства сформулировал Пленум Верховного Суда РФ, указав в п. 1 Постановления от 29.11.2011 г. № 17, что Положение 1981 г. и связанные с ним акты «могут учитываться судами при разрешении вопросов о реабилитации лишь в части, не противоречащей федеральным законам Российской Федерации». Таким образом,

¹ О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-X // Ведомости ВС СССР. – 1981. – № 21. ст. 741.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуриновича Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 242-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

судебная практика сформировала компромиссный подход: формально старый акт не отменен, но его применение поставлено в жесткую зависимость от соответствия действующему федеральному законодательству.

Отсутствие специальной законодательной регламентации порядка расчета утраченного заработка, подлежащего возмещению реабилитированному лицу, вынуждает суды искать способы заполнения этого правового вакуума. Формально, как указано в абз. 2 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17, судам предоставлена лишь рекомендация самостоятельно определять период, за который подлежит возмещению утраченный заработок, с учетом конкретных обстоятельств дела, исчисляя его с момента прекращения выплаты. Однако данный тезис не содержит методики самого расчета.

В сложившейся ситуации судебная практика, возглавляемая Верховным Судом РФ, избрала путь применения аналогии закона. Эта позиция была последовательно сформулирована в ряде ключевых решений. Так, в Решении Верховного Суда РФ от 14.07.2011 г. № ГКПИ11-734 прямо указывается на необходимость использования положений ст. 1086 ГК РФ, устанавливающей порядок расчета заработка, утраченного в результате повреждения здоровья. В частности, для расчета среднемесячного заработка предлагается использовать механизм, закрепленный в ч. 3 ст. 1086 ГК РФ: деление общей суммы заработка за 12 месяцев работы, предшествовавших причинению вреда, на 12. Данная норма также предусматривает специальные правила для случаев, когда потерпевший работал менее года или имел не полностью отработанные месяцы¹.

Еще ранее, в 2010 году, аналогичный подход был применен Верховным Судом РФ при рассмотрении конкретного кассационного производства. В Кассационном определении от 07.07.2010 г. № 74-О10-24 Судебная коллегия поддержала расчет утраченного заработка, произведенный судами нижестоящих инстанций, и детализировала методологию для ситуаций, когда

¹ Решение Верховного Суда РФ от 14.07.2011 г. № ГКПИ11-734 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.

реабилитированный на момент привлечения к уголовной ответственности не работал. Суд указал, что в таком случае, руководствуясь ч. 4 ст. 1086 ГК РФ, следует учитывать по желанию потерпевшего заработок до увольнения либо обычный размер вознаграждения работника его квалификации в данной местности, но не менее установленной величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ¹. В рассматриваемом деле суд правомерно применил региональный прожиточный минимум (Республика Саха (Якутия)), который был выше федерального, что, по мнению Верховного Суда, соответствует принципу полного возмещения вреда.

Таким образом, Верховный Суд РФ не только констатировал пробел, но и предложил конкретный правовой механизм для его преодоления, сформировав прецедентную рекомендацию для нижестоящих судов.

Помимо заработной платы, имущественный вред, возмещаемый в рамках реабилитации, включает в себя не полученные лицом пенсии и пособия (п. 1 ч. 1 ст. 135 УПК РФ). Однако практическая реализация этого права в отношении социальных выплат сопряжена с существенными нюансами, вытекающими из различий в отраслевом законодательстве.

Анализ норм действующего пенсионного законодательства, в частности ст. 24 и 25 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», позволяет сделать вывод, что сам факт уголовного преследования или осуждения к отбыванию наказания не является основанием для приостановления или прекращения выплаты страховой пенсии². Следовательно, у реабилитированного гражданина, получавшего такую пенсию, не возникает утраты данного источника дохода в связи с незаконным преследованием. Соответственно, требование о возмещении данного компонента вреда в

¹ Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2010 г. № 74-О10-24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О страховых пенсиях: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 декабря 2013 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 декабря 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – 16 декабря.

большинстве случаев не предъявляется, так как вред в виде неполучения страховой пенсии фактически не причинен.

Иная, более сложная ситуация складывается в отношении лиц, получающих пенсию по Закону РФ от 12.02.1993 № 4468-1. Согласно ч. 3 ст. 2 данного закона, в случае лишения в установленном порядке специального или воинского звания, пенсия этим лицам назначается уже не по льготному закону № 4468-1, а на общих основаниях – по Закону № 400-ФЗ, что, как правило, влечет значительное снижение размера пенсионного обеспечения¹. Лишение специального, воинского или почетного звания является самостоятельным видом дополнительного наказания, предусмотренным ст. 48 УК РФ, которое может быть назначено за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Яркой иллюстрацией описанного механизма является решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми, которым было отказано в удовлетворении иска Ю.А. Сырчикова к пенсионному органу МВД об обязанности восстановить выплату пенсии. Основанием для отказа послужило то, что выплата пенсии по Закону № 4468-1 была правомерно прекращена после вступления в законную силу обвинительного приговора. Судом Ю.А. Сырчиков был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 290 и 292 УК РФ, и в качестве дополнительного наказания по ст. 48 УК РФ лишен специального звания².

При расчете возмещения утраченной пенсии реабилитированному гражданину стандартные методы компенсации заработка неприменимы, поскольку пенсия не облагается налогом и является компенсацией утраченного

¹ О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: закон Рос. Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 // Рос. газ. – 1993. – 23 февраля.

² Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми № 2-4643/2020 2-4643/2020~М-3664/2020 М-3664/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 2-4643/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 21.12.2025).

дохода. Для расчета следует руководствоваться специальными нормами, в частности, порядком, установленным для пенсий за выслугу лет.

Что касается пособий, то в данном случае необходимо обратить внимание на положения Закона РФ от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в РФ»¹ (ст. 35).

Пункт 2 ч. 1 ст. 135 УПК РФ содержит в себе второй вид выплат, возмещающих реабилитируемому имущественного вреда – это возмещение реабилитированному лицу конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда имущества.

В соответствии со ст. 104.1 УК РФ, конфискация представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, предусмотренное соответствующей статьей.

Законодатель устанавливает приоритетный способ восстановления нарушенного права реабилитированного – возврат конфискованного имущества в натуре. Однако правоприменительная практика сталкивается с ситуациями, когда такой возврат оказывается объективно невозможным (вследствие утраты, уничтожения, реализации имущества и т.п.)². В этом случае реабилитированному гарантируется право на денежную компенсацию. Пункт 3 ст. 135 УПК РФ, отсылая к нормам гражданского законодательства, определяет, что размер данной компенсации исчисляется по ценам, существующим в местности вынесения судебного решения о возмещении вреда, что коррелирует с общими принципами определения стоимости утраченного имущества, закрепленными в ст. 393 ГК РФ.

Кроме того, к возмещаемому реабилитированному лицу, законодатель относит штрафы, процессуальные издержки, суммы, выплаченные за оказание

¹ О занятости населения в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 30 ноября 2023 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 7 декабря 2023 г. // Рос. газ. – 2023. – 18 декабря.

² Головки И.И. Объем возмещения вреда реабилитированным лицам: понятие и проблемы правового регулирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 28.

юридической помощи и иные расходы (п. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ). Данные категории имеют различную правовую природу и процедуру компенсации.

В соответствии с п. 3 ч. 14 ст. 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», штраф, назначенный в качестве уголовного наказания, подлежит возврату реабилитированному, а исполнительное производство по его взысканию прекращается при отмене обвинительного приговора и прекращении дела по реабилитирующим основаниям¹. Таким образом, механизм возврата штрафа носит административно-восстановительный характер и не требует от реабилитированного подачи отдельного иска.

Особую сложность на практике представляет разграничение и возмещение расходов на юридическую помощь. Законодательство и сложившаяся судебная практика, в частности, отраженная в Апелляционном постановлении Липецкого областного суда от 08.12.2015 г. № 22-1423/2015, проводят четкое различие между двумя случаями: 1) суммы, выплаченные адвокату по соглашению, возмещаются в рамках п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ как отдельная составляющая имущественного вреда; 2) суммы, выплаченные адвокату по назначению (т.е. за счет средств федерального бюджета), относятся к процессуальным издержкам и подлежат компенсации по правилам п. 3 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, что вытекает из положений п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ².

При этом важно отметить, что важными правовыми позициями Верховного Суда РФ по данному вопросу являются следующие: при определении размера возмещения количество защитников не имеет значения (абз. 1 п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17); расходы на адвоката подлежат возмещению независимо от того, кто именно (сам реабилитированный или иное лицо) заключил соглашение об оказании

¹ Об исполнительном производстве: федер. закон Рос. Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 сентября 2007 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сентября 2007 г. // Рос. газ. – 2007. – 6 октября.

² Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 8 декабря 2022 г. № 22-1423/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

юридической помощи (Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2010 № 78-О10-9)¹.

Суд при определении размера возмещения должен учитывать индекс роста потребительских цен по месту работы или жительства реабилитированного, что направлено на нивелирование инфляционных процессов².

В-третьих, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ реабилитированному возмещаются иные расходы, непосредственно связанные с уголовным преследованием. Судебная практика (абз. 3 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17, Определение Верховного Суда РФ от 07.11.2017 № 35-УД17-19) относит к таким расходам, например, затраты на привлечение специалиста или на проведение по инициативе обвиняемого экспертизы³. Данный перечень не является исчерпывающим и требует от суда установления прямой причинно-следственной связи между расходами и фактом уголовного преследования.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенными являются требования о возмещении утраченного заработка и расходов на юридическую помощь. Несмотря на некоторые законодательные пробелы (например, в методике расчета утраченного заработка), суды успешно применяют аналогию закона (ст. 1086 ГК РФ), что обеспечивает реализацию права реабилитированного на полную компенсацию понесенного имущественного ущерба.

Помимо возмещения имущественного ущерба законодатель предусматривает также моральный вред. В системе мер восстановления прав реабилитированного компенсация последнего занимает центральное место, заявляясь на практике практически во всех случаях наряду с требованием о возмещении имущественного ущерба. Как было уже отмечено, моральный вред

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2010 г. № 78-О10-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

² Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2022 г. № 77-575/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2017 г. № 35-УД17-19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 1.

представляет собой физические и нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина (ст. 151 ГК РФ). В контексте реабилитации основанием для таких страданий выступает весь комплекс незаконных или необоснованных мер уголовного преследования: задержание, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, отстранение от должности, увольнение с работы, а также вынесение обвинительного приговора. Особую остроту страданиям придает применение так называемых «позорящих» видов наказания, таких как лишение специального, воинского, почетного звания, классного чина и государственных наград, которые оказывают прежде всего морально-психологическое воздействие на осужденного¹.

Правовой механизм возмещения морального вреда реабилитированному закреплен в ст. 136 УПК РФ. Анализ данной нормы позволяет выделить три самостоятельных, но взаимосвязанных способа такого возмещения:

- принесение официальных извинений прокурором от имени государства;
- компенсация морального вреда в денежной форме на основании судебного решения;
- распространение сообщения о реабилитации в средствах массовой информации.

Принципиальное отличие между ними заключается в обязательности применения. Если принесение прокурором официальных извинений является безусловной обязанностью государства, подтвержденной позицией Конституционного Суда РФ, то два других способа реализуются по инициативе реабилитированного или при наличии установленных условий. Так, компенсация в денежной форме осуществляется только при подаче соответствующего искового заявления, а публикация в СМИ – лишь при

¹ Изосимов С.В. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как вид уголовного наказания // Актуальные проблемы экономики и права. 2023. № 3. С. 151.

условии, что ранее в этих же источниках распространялась информация о привлечении лица к уголовной ответственности.

Процедура принесения извинений детально регламентирована ведомственными актами. Согласно п. 4 Указания Генпрокуратуры России от 03.07.2013 № 267/12, извинение приносится в письменной форме в срок, не превышающий одного месяца с момента вступления в силу оправдательного приговора или принятия решения о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям¹. Обязательный характер этой меры подчеркнут в постановлении Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П, где указано, что уклонение прокурора от ее исполнения является противоправным бездействием, которое может быть обжаловано в суд.

Компенсация морального вреда в денежной форме, в соответствии с ч. 2 ст. 136 УПК РФ, разрешается в порядке гражданского судопроизводства. Исковое заявление может быть подано реабилитированным по его выбору – по месту жительства ответчика (соответствующего финансового органа) или по своему месту жительства. Наиболее сложной и дискуссионной проблемой в данном процессе является определение размера компенсации. Законодатель не устанавливает твердых сумм или формул, предоставляя суду право оценки на основе принципов разумности и справедливости. Для формирования единообразных подходов Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 Постановления от 29.11.2011 № 17 указал на необходимость учета следующих критериев: характер, степень и продолжительность физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего; длительность уголовного преследования; срок и условия содержания под стражей; вид исправительного учреждения (в случае отбывания наказания). Мотивированное обоснование размера присуждаемой суммы является обязательным элементом судебного решения.

¹ О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: указание Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 267/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Отсутствие четких количественных ориентиров зачастую приводит к значительному субъективизму и судебным ошибкам, выражающимся в несоразмерно заниженных суммах компенсации. Яркой иллюстрацией служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 5-КГ22-68-К2. Верховный Суд отменил решения нижестоящих инстанций, которые уменьшили присужденную сумму с 200 000 до 20 000 рублей, указав, что суды ограничились абстрактным перечислением критериев без конкретного анализа обстоятельств дела, в то время как компенсация должна быть адекватной и соразмерной причиненным страданиям¹. Данная проблема является предметом активной научной полемики. Ряд ученых полагает, что выработать универсальные критерии невозможно ввиду невозможности точного измерения человеческих страданий². Их оппоненты, напротив, настаивают на необходимости разработки более детализированных и унифицированных оценочных методик для обеспечения единства судебной практики³.

Таким образом, практический механизм возмещения имущественного и морального вреда реабилитированным, регламентированный ст. 135 и 136 УПК РФ, характеризуется существенными пробелами и противоречиями, главным из которых является сохранение формального действия архаичных советских нормативных актов, что вынуждает судебную практику, возглавляемую Верховным Судом РФ, активно заполнять правовой вакуум через аналогию закона (ст. 1086 ГК РФ) и формирование компромиссных подходов; однако, особенно в части компенсации морального вреда, оценочный и недетализированный характер законодательных предписаний порождает субъективизм и несоразмерность присуждаемых сумм, что свидетельствует о необходимости системной законодательной модернизации данного института

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2022 г. № 5-КГ22-68-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Марченко С.В. Компенсация морального вреда в Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 6. С. 21.

³ Ивенский А.И. О проблемах исчисления морального вреда, подлежащего возмещению реабилитированным // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2024. С. 144.

для обеспечения подлинно полного, единообразного и эффективного восстановления прав реабилитированных граждан.

§ 2. Восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного

Помимо компенсации имущественного ущерба и морального вреда, неотъемлемой частью полной реабилитации является восстановление нарушенных прав, предусмотренных ст. 138 УПК РФ, которая в ч. 1 устанавливает обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя принять меры по восстановлению трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного, а в ч. 2 специально оговаривает восстановление специальных, воинских, почетных званий, классных чинов и возврат государственных наград. Так, рассмотрим более подробно.

Право на восстановление на прежней работе является одной из ключевых гарантий реабилитированного, которая корреспондирует с его правом на возмещение утраченного заработка, пенсии или пособия. Если в ходе расследования или после осуждения гражданин был уволен с работы по основаниям, связанным с уголовным преследованием, реабилитация влечет за собой обязанность работодателя восстановить его в прежней должности. Правовым основанием для этого служит ст. 394 Трудового кодекса РФ, согласно которой в случае признания увольнения незаконным работник подлежит восстановлению на прежней работе органом, рассматривающим индивидуальный трудовой спор. Данная процедура не только восстанавливает источник дохода, но и имеет прямое значение для пенсионных прав.

Увольнение или отстранение от должности в связи с уголовным преследованием приводит к прерыванию страхового стажа, что может негативно сказаться на праве и размере будущей пенсии. Важным достижением современного законодательства является включение периода отстранения от работы (должности) в связи с незаконным уголовным преследованием в страховой стаж. Таким образом,

при реабилитации не только восстанавливается право на прежнюю должность, но и полностью погашаются негативные последствия для пенсионного обеспечения, включая стаж для назначения пенсии за выслугу лет.

Вопрос о восстановлении жилищных прав на практике возникает реже, поскольку современное жилищное законодательство, в отличие от советского (ст. 60 Жилищного кодекса РСФСР), не связывает факт временного отсутствия гражданина по месту жительства с автоматической утратой права пользования жилым помещением. Конституционный принцип неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ) имплементирован в отраслевое законодательство (ст. 3 Жилищный кодекс РФ)¹. Как справедливо отмечает В.А. Потетин, временное отсутствие нанимателя в связи с незаконным уголовным преследованием не может служить самостоятельным основанием для прекращения права пользования жильем². Следовательно, основная проблема заключается не в утрате права как такового, а в обеспечении фактической возможности его реализации после освобождения. Однако особую сложность представляет ситуация со служебным жильем, которое относится к специализированному жилищному фонду (п. 1 ч. 1 ст. 92 Жилищного кодекса РФ). Поскольку право на такое помещение носит срочный и целевой характер и связано с трудовыми отношениями, его утрата в связи с увольнением по обвинительному приговору может быть оспорена лишь при условии последующей реабилитации и восстановления на работе. В этом случае применяются нормы законодательства, регулирующие вопросы выселения из специализированных жилых помещений, которые должны толковаться в пользу восстановления жилищных прав реабилитированного.

Основанием для выселения служит прекращение договора найма специализированного жилого помещения в связи с расторжением трудовых

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2004 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 декабря 2004 г. // Рос. газ. – 2005. – 12 января.

² Потетин В.А. Указ. соч. С. 44.

отношений (ст. 103 Жилищного кодекса РФ). В этой логике реабилитация и последующее восстановление на прежней работе являются единственным правовым основанием для требования о возобновлении договора найма и возврате в служебное жилое помещение. Таким образом, восстановление жилищных прав в данном случае является прямым следствием и производным от восстановления прав трудовых.

Процедура восстановления иных прав, как и порядок возмещения вреда, имеет двойную процессуальную природу, что порождает значительные практические сложности. Часть 1 ст. 138 УПК РФ отсылает к ст. 399 УПК РФ, устанавливающей особый судебный порядок рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. Согласно этой норме, суд, постановивший обвинительный приговор, по ходатайству реабилитированного рассматривает вопросы о восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав. Однако последнее предложение ч. 1 ст. 138 УПК РФ содержит альтернативу: «если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то реабилитированный вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства».

Данная законодательная конструкция подвергается обоснованной критике в научной литературе. Как отмечает Б.Т. Безлепкин, включение в ст. 138 УПК РФ, посвященную восстановлению прав, отсылки к гражданскому законодательству вносит очевидный диссонанс и не соответствует ни заголовку статьи, ни ее общему содержанию, которое должно регламентировать именно реабилитационные, а не общеисковые отношения.

Критикуемый научным сообществом дуализм процессуальных порядков возмещения вреда реабилитированному, закрепленный в ч. 1 ст. 138 УПК РФ, тем не менее, получил поддержку на высшем уровне правоприменения. Конституционный Суд РФ подтвердил правовую идею о том, что требования реабилитированного могут основываться как на уголовно-процессуальных, так и на гражданско-процессуальных нормах. Однако, как справедливо указывает Б.Т. Безлепкин, применительно к специальному институту реабилитации по уголовным

делам такая конструкция лишена прочных оснований, поскольку «не имеет опоры ни в юридической науке, ни в практике Верховного Суда РФ, ни в гражданском процессуальном законодательстве, которому отводится роль «резерва»»¹. Эта «смешанная» регламентация приводит к правовой неопределенности и усложняет процесс реализации прав, возлагая на реабилитированного бремя выбора процессуального инструментария без четких законодательных критериев, что противоречит самой цели реабилитации как эффективного и упрощенного механизма восстановления справедливости.

Особую сложность в рамках восстановления «иных прав» представляет возврат специальных, воинских и почетных званий, классных чинов и государственных наград, утраченных в связи с применением «позорящего» дополнительного наказания. Процедура их восстановления носит комплексный, межотраслевой характер. Например, для сотрудников органов внутренних дел присвоение специальных званий строго регламентировано ведомственными актами, такими как Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Согласно ст. 43 данного закона, привлечение сотрудника в качестве обвиняемого автоматически приостанавливает присвоение ему очередного звания вплоть до прекращения уголовного преследования².

Правовая природа этого процесса была четко определена в судебной практике. Ярким примером является дело П.Е. Косицына, который после оправдательного приговора обратился в суд с требованием о восстановлении в должности и в специальном звании старшего лейтенанта полиции, а также о присвоении ему очередного звания капитана полиции по выслуге лет. Суд удовлетворил требования, разъяснив, что «право на реабилитацию инициирует обязанность восстановления в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах

¹ Безлепки́н Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): научное издание. 18-е изд. Москва: Проспект, 2025. С. 120.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 октября 2011 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 ноября 2011 г. // Рос. газ. – 2011. – 2 декабря.

работодателя... Сам правовой смысл восстановления работника на работе заключается в отмене правовых последствий увольнения и возвращении сторон в то положение, которое имело место до незаконного прекращения трудовых отношений»¹.

Перечень государственных наград и почетных званий устанавливаются системой президентских указов и иных нормативных актов. Так, Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 утверждает исчерпывающие перечни государственных наград (например, звание Героя РФ, ордена) и почетных званий РФ (таких как «Народный артист РФ», «Заслуженный работник прокуратуры РФ»)². Порядок присвоения классных чинов государственным гражданским служащим регламентирован, в частности, Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 113³. Реабилитация порождает у гражданина комплексное право: не только на восстановление самого утраченного статуса (звания, чина, награды), но и на получение всех связанных с ним имущественных выплат и льгот (ежемесячного денежного содержания, пособий), которые не начислялись в период незаконного лишения.

Процедура восстановления в званиях и возврата наград, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, осуществляется по правилам ст. 399 УПК РФ (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17)⁴. Это означает, что реабилитированный вправе обратиться с соответствующим ходатайством в суд, постановивший оправдательный приговор

¹ Решение Благовещенского городского суда № 2-8495/2021 от 22 ноября 2021 г. по делу № 2-1299/2021~М-66/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 21.12.2025).

² О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 37. ст. 4643.

³ О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим: указ Президента Рос. Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 6. ст. 440.

⁴ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 1.

или вынесший постановление о прекращении дела по реабилитирующим основаниям. В случае удовлетворения требований суд выносит постановление, копия которого направляется в уполномоченный государственный орган (например, соответствующее министерство, ведомство или комиссию по государственным наградам) для непосредственного исполнения – издания приказа о восстановлении в звании или принятия решения о возврате награды.

Проведенный анализ правового регулирования и практики применения мер восстановления прав реабилитированного лица позволяет сформулировать следующие выводы.

Наиболее востребованными на практике являются требования о возмещении имущественного вреда, в первую очередь утраченного заработка и расходов на юридическую помощь. При отсутствии специальной нормы в уголовно-процессуальном законе, определяющей методику расчета утраченного заработка, суды успешно используют аналогию закона, применяя правила ст. 1086 ГК РФ, что позволяет восполнить данный законодательный пробел.

Сравнительный анализ процедур возмещения имущественного и морального вреда выявляет их принципиальные процессуальные различия: имущественный вред возмещается в рамках уголовного судопроизводства, в то время как компенсация морального вреда в денежной форме осуществляется по правилам гражданского судопроизводства. Кроме того, право требования возмещения имущественного вреда переходит к наследникам, тогда как право на компенсацию морального вреда, будучи неразрывно связанным с личностью потерпевшего, по наследству не передается (в наследственную массу включается лишь присужденная, но невыплаченная при жизни сумма).

Положения ст. 138 УПК РФ, регулирующие восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, а также специальных званий, чинов и государственных наград, системно взаимосвязаны с нормами о возмещении имущественного вреда (ст. 135 УПК РФ). Так, восстановление на работе автоматически влечет обязанность выплатить неполученный заработок.

Однако ключевой проблемой, снижающей эффективность всего института реабилитации, является закрепленный в законе дуализм процессуальных порядков. Наличие в ч. 1 ст. 138 УПК РФ отсылки к гражданскому судопроизводству создает правовую неопределенность, противоречит целостной природе реабилитации как уголовно-процессуального института и не находит однозначной поддержки в доктрине. Это приводит к усложнению процедуры для реабилитированного, вынужденного делать процессуальный выбор, и создает риск нарушения принципа полноты восстановления его прав.

В целях унификации и упрощения процедуры представляется необходимым исключить из ч. 1 ст. 138 УПК РФ формулировку, допускающую обращение в порядке гражданского судопроизводства. Поскольку реабилитация является институтом уголовно-процессуального права, все связанные с ней требования, включая восстановление прав и возмещение вреда, должны рассматриваться в едином уголовно-процессуальном порядке по правилам главы 18 УПК РФ и ст. 399 УПК РФ. Данная мера обеспечит большую ясность, последовательность и оперативность в восстановлении прав и законных интересов лиц, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование института реабилитации в российском уголовном процессе позволяет сформулировать ряд выводов и обобщений, отражающих его современное состояние, выявленные системные проблемы и пути их разрешения.

Институт реабилитации представляет собой комплексный, межотраслевой правовой механизм, фундаментальное значение которого закреплено на конституционном уровне. Его сущность заключается в полном восстановлении прав, свобод и репутации лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, а также в возмещении причиненного ему государством имущественного и морального вреда. Анализ исторической эволюции показал, что современная модель института, основанная на принципе прямой публично-правовой ответственности государства перед гражданином, сформировалась в России лишь в конце XX века, сменив дореволюционную систему деликтной ответственности виновных должностных лиц.

Теоретико-правовой анализ выявил, что, несмотря на детальную регламентацию в главе 18 УПК РФ, в правовой доктрине сохраняются дискуссии относительно ключевых понятий института. Легальные определения «реабилитации» и «реабилитированного» критикуются за терминологическую неточность. Отсутствует единство в понимании содержания имущественного вреда, а критерии «незаконности» и «необоснованности» уголовного преследования как оснований для реабилитации требуют дальнейшей научной проработки. Круг субъектов права на реабилитацию, установленный ст. 133 УПК РФ, является исчерпывающим и жестко привязан к факту подверженности уголовному преследованию со стороны государства. Особые сложности возникают при квалификации права на реабилитацию в рамках дел частного обвинения и при применении принудительных мер медицинского характера, где требуется тонкое разграничение частно-правовых и публично-правовых начал.

Практико-прикладное исследование проблем реализации института позволило констатировать наличие глубоких противоречий между

декларируемыми целями реабилитации и реальной практикой ее осуществления. К числу наиболее острых проблем относятся:

— отсутствие современного, детализированного федерального закона о порядке возмещения вреда вынуждает правоприменителей частично руководствоваться устаревшими советскими подзаконными актами (Положение 1981 г.), которые системно противоречат принципу полного возмещения вреда, закреплённому в ГК РФ. Это создает правовую неопределенность и нарушает принцип равенства перед законом.

— отсутствие четких законодательных правил расчета утраченного заработка приводит к необходимости применения судами аналогии закона (ст. 1086 ГК РФ). Хотя такая практика, сформированная Верховным Судом РФ, позволяет восполнить пробел, она не заменяет необходимости собственной уголовно-процессуальной регламентации, учитывающей специфику реабилитации.

— отсутствие законодательно установленных критериев или примерных ориентиров для определения размера денежной компенсации морального вреда ведет к значительному разбросу присуждаемых сумм и судебным ошибкам, выражающимся в их явной неадекватности причиненным страданиям. Это нарушает принцип справедливости и снижает восстановительный эффект института.

— закрепленная в ст. 138 УПК РФ возможность обращения за восстановлением прав как в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ (уголовно-процессуальный), так и в порядке гражданского судопроизводства, создает ненужную сложность и правовую неопределенность для реабилитированного. Данная конструкция противоречит целостной природе реабилитации как специального уголовно-процессуального института, призванного создать упрощенный и эффективный механизм защиты.

— восстановление отдельных прав (трудовых, пенсионных, в виде специальных званий и наград) требует слаженного взаимодействия норм уголовно-процессуального, гражданского, трудового, пенсионного и административного

права. Несовершенство такой координации на практике приводит к затягиванию процедур и неполному восстановлению статуса реабилитированного.

Таким образом, институт реабилитации, будучи краеугольным камнем системы гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве, остро нуждается в системной модернизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г. (дата обращения: 10.01.2026).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 декабря. – № 238–239.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1). – Ст. 3.

7. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.

8. О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках

национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: закон от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 // Российская газета. – 1993. – 23 февраля. – № 253.

9. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 6 октября. – № 223.

10. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 2 декабря. – № 275.

11. О страховых пенсиях: федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // Российская газета. – 2013. – 16 декабря. – № 296.

12. О занятости населения в Российской Федерации: федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ // Российская газета. – 2023. – 18 декабря. – № 286.

13. О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим: указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 6. – Ст. 440.

14. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 37. – Ст. 4643.

15. О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: указание Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 267/12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

16. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-X // Ведомости ВС СССР. – 1981.

– № 21. – Ст. 741.

17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Алмазова, Т.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Алмазова Татьяна Анатольевна. – М., 2001. – 23 с.

2. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): научное издание. – 18-е изд. / Б.Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2025. – 659 с.

3. Головкин, И.И. Объем возмещения вреда реабилитированным лицам: понятие и проблемы правового регулирования / Л.В. Головкин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 26–37.

4. Гуляев, А.П. Следователь в уголовном процессе / А.П. Гуляев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 192 с.

5. Гуссаковский, П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями / П.Н. Гуссаковский // Журнал Министерства юстиции. – 1912. – № 12. – С. 50–60.

6. Жаглина, М.Е. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда / М.Е. Жаглина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 123–132.

7. Зинатуллин, З.З. Избранные труды: в 2 т. Т. 1 / З.З. Зинатуллин – СПб.: Проспект, 2013. – 608 с.

8. Зяблина, М.В. Предъявление прокурорами регрессных исков в связи с принятием судами решений о возмещении реабилитированным лицам вреда,

причиненного незаконным (необоснованным) уголовным преследованием / М.В. Зяблина // Законность. – 2016. – № 4. – С. 13–17.

9. Изосимов, С.В. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как вид уголовного наказания / С.В. Изосимов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2023. – № 3. – С. 143–152.

10. Ивенский, А.И. О проблемах исчисления морального вреда, подлежащего возмещению реабилитированным / А.И. Ивенский // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – 2024. – С. 143–147.

11. Караван, Е.Ю. Эффективность института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Е.Ю. Караван // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1-1. – С. 128–133.

12. Карнович, Е. Русские чиновники в былое и настоящее время / Е. Карнович. – СПб.: Норма, 1897. – 294 с.

13. Каширин, А. Расплата за следственные ошибки / А. Каширин // ЭЖ-юрист. – 2007. – № 26. – С. 12–19.

14. Корчагина, Л.И. О некоторых аспектах содержания понятия «Реабилитация» в отечественном законодательстве и юридической литературе / Л.И. Корчагина // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 271–274.

15. Кузнецова, А.Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Кузнецова Анастасия Дмитриевна. – Екатеринбург, 2022. – 176 с.

16. Марченко, С.В. Компенсация морального вреда в Российской Федерации / С.В. Марченко // Адвокатская практика. – 2020. – № 6. – С. 21–25.

17. Максимихина, Ю.О. Институт реабилитации в уголовном процессе России / Ю.О. Максимихина // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. – 2009. – № 4. – С. 294–304.

18. Мингалимова, М.Ф. Реабилитация в уголовном процессе: нужен единый подход / М.Ф. Мингалимова // Законность. – 2023. – № 3. – С. 45–49.

19. Мисник, И.В. Реабилитация лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Мисник // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 6 (9). – С. 146–151.

20. Орлова, А.А. К вопросу о концептуализации понятия «реабилитация» в уголовном процессе России / А.А. Орлова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 10. – С. 60–63.

21. Потетин, В.А. Проблемные аспекты восстановления трудовых, пенсионных и жилищных прав реабилитированного / В.А. Потетин // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 6. – С. 37–50.

22. Прохоров, А.Б. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве лиц, потерпевших от злоупотребления властью / А.Б. Прохоров // Адвокатская практика. – 2022. – № 5. – С. 36–42.

23. Рамазанов, Т.Р. Понятие института реабилитации в уголовном судопроизводстве России и истоки его зарождения / Т.Р. Рамазанов // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов. – 2023. – С. 89–93.

24. Розин, Н.Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду / Н.Н. Розин // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 9–10. – С. 115–117.

25. Салаватова, А.А. О некоторых проблемах института реабилитации в уголовном процессе / А.А. Салаватова // Мировые исследования в области социально-гуманитарных наук. – Рязань, 2023. – С. 378–381.

26. Самойлова, Ж.В. Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в российском уголовном судопроизводстве / Ж.В. Самойлова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 124–127.

27. Собрание узаконений РСФСР. – М.: Юрид. кн. изд-во, 1918. – № 26. – 420 с.
28. Собрание узаконений РСФСР. – М.: Юрид. кн. изд-во, 1919. – № 313. – 326 с.
29. Татьяна, Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания) / Д.В. Татьяна. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 144 с.
30. Титов, П.М. Реабилитация по уголовным делам частного обвинения: проблемы теории и практики / П.М. Титов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 149–157.
31. Филиппова, А.О. Возникновение и развитие института реабилитации в России / А.О. Филиппова // Сборник научных трудов sworld. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 70–74.
32. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спартак, 1995. – 556 с.

III. Эмпирические материалы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2019 г. № 66-АПУ19-12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 8 декабря 2022 г. № 22-1423/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).
3. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.
4. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих

реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 1.

5. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

6. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуриновича Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 242-О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Николая Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 24 и положениями главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части первой статьи 5 и статьей 58.1 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьей 49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2023 г. № 442-О [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2024), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2024 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 3.

10. Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2010 г. № 78-О10-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

11. Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2010 г. № 74-О10-24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

12. Определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2017 г. № 35-УД17-19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2021 г. № 88-14364/2021 по делу № 2-592/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/59840542> (дата обращения: 21.12.2025).

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 19-КГ23-8-К5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2022 г. № 5-КГ22-68-К2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

16. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 48. – Ст. 7299.

17. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 270. – Ст. 2882.

18. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.К. Шматкова: постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 48 (часть II). – Ст. 6886.

19. По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. – № 26. – Ст. 5043.

20. По запросу Сюмсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

21. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2022 г. № 77-575/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

22. Решение Благовещенского городского суда № 2-8495/2021 от 22 ноября 2021 г. по делу № 2-1299/2021~М-66/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 21.12.2025).

23. Решение Верховного Суда РФ от 14.07.2011 г. № ГКПИ11-734 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

24. Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми № 2-4643/2020 2-4643/2020~М-3664/2020 М-3664/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 2-4643/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 21.12.2025).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну.

А.А. Попова

А.А. Попова